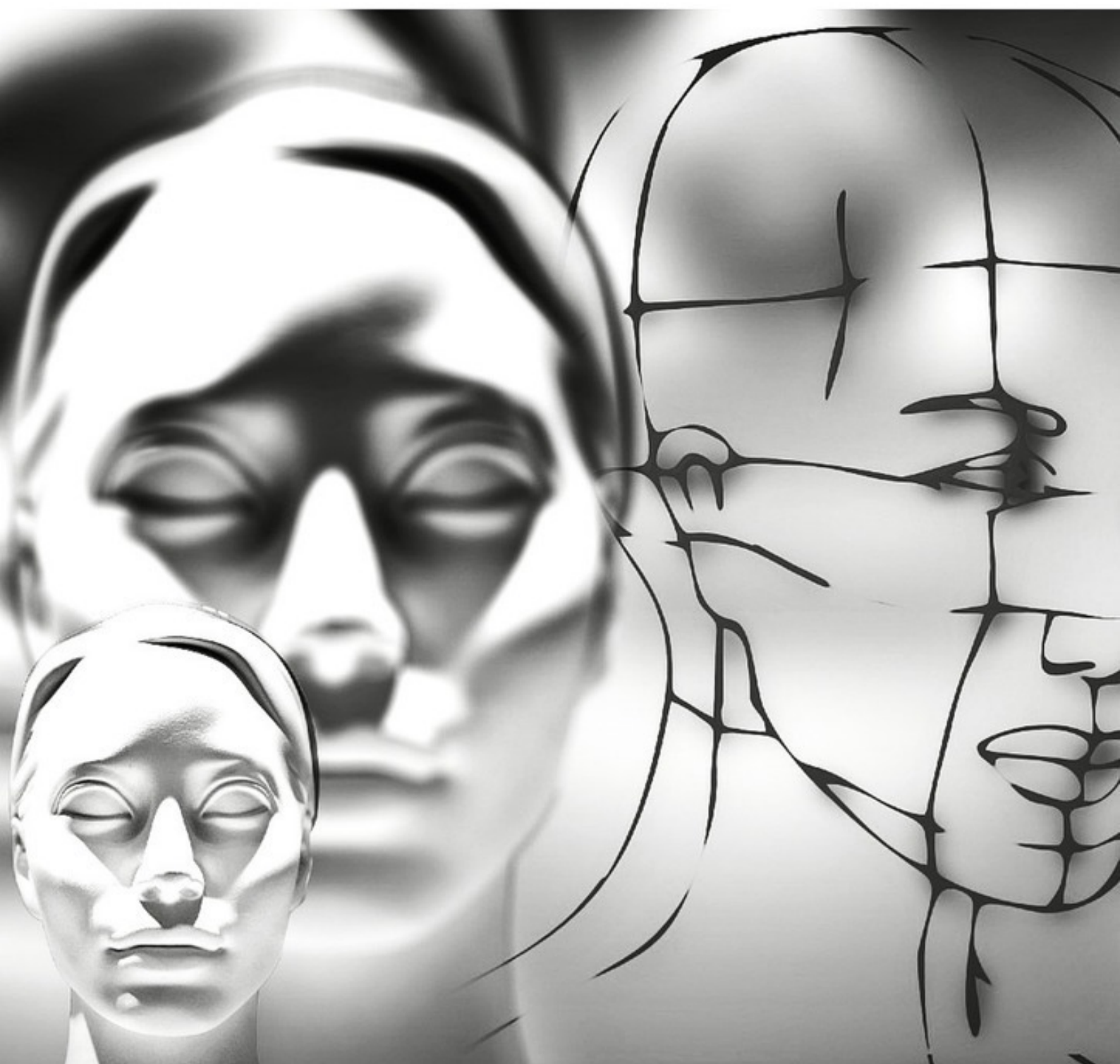

Территория Творчества
Девять Жизней

Второе дыхание

Валентина Спирина

Девять Жизней. Второе дыхание

«Издательские решения»

Спирина В.

Девять Жизней. Второе дыхание / В. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909495-7

Сборник «Девять Жизней» объединил в себе девять авторов из разных стран и получился по-настоящему международным. Здесь вы найдете произведения на любой вкус и настроение. Невероятно красивая пейзажная лирика и лирика любовная, социальные стихи и трогательные баллады. Захватывающая проза о взаимоотношениях мужчины и женщины, искромётный юмор и невероятно интересное фэнтези.

ISBN 978-5-44-909495-7

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Территория Творчества	6
Александр Дагай	7
Лирика. Избранное	8
Признание	8
Природы вечная игра	9
Обними меня	10
Зеркальная Любовь	11
Говорят, что время лечит	12
Тихий вечер, тёплый вечер	13
Нас разлучила чья-то ложь	14
Сны о не рожденной дочери...	15
Жизнь заново хотелось бы начать	16
Твои губы пахнут земляникой	17
Смысл наполняя вязью строк	18
Нельзя Любить не Доверяя	19
Я учусь понимать	20
Покрылась инеем земля	21
Я опоздал на 20 лет	22
Зажигаются Звезды	23
Говоришь – люблю	24
Сердце сжалось	25
Мой ангел, я люблю тебя!	26
Я не люблю	28
Мой путь к Себе	29
Душой и телом	30
Не жалею о том, что тополь плачет	31
Я вдохновение ловлю	32
Вместо снега идет дождь	34
С каждым шагом уходишь	35
Матильда Иванова	36
Выродок	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Девять Жизней

Второе дыхание

Редактор Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

ISBN 978-5-4490-9495-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества

*Все произведения в книге изданы с согласия авторов
Все произведения охраняются законом РФ об Авторском праве
Все произведения напечатаны в авторской редакции*

Александр Дагай

Израиль – Кейсария

Лирика. Избранное

*Я не пойму, что происходит —
Затмение от меня уходит,
Бледнеет, блекнет, не болит
И о любви не говорит.
Ни пыл, ни страсть...
Затихли чувства,
Лишь эхо прежнего искусства
В моей душе еще горит...*

Признание

Я скучаю по тебе —
Очень!
И страдаю без тебя —
Сильно!
Запорошила листвой
Осень.
И завьюжило тоской
Зимней...
Все длиннее без тебя
Ночи
Опустел мир без тебя,
Стылый.
Я люблю тебя, пойми,
Очень.
И хочу к тебе, что есть
Силы!

Природы вечная игра

Природы вечная игра,
Воспетая в стихах Поэтом,
Вновь спелой осени пора
Задумчивым звучит сонетом.
Быть может, грустью полон зря,
Что ж, напишу светло об этом,
Как свежей кистью сентября
Раскрашено прощанье с летом..

Обними меня

Обними меня скорей —
Крепко...
Пламенея от любви —
Жаркой...
Поцелуем подари —
Вечность...
И гори во мне звездой —
Яркой...
От твоих прекрасных глаз —
Радость...
От улыбки расцвели —
Розы...
На губах от уст твоих —
Сладость...
Вот и сбылись наших снов —
Грезы...

Зеркальная Любовь

Зеркальная Любовь – она пришла, как Эхо.
Ударом молнии настигла в бездне сна.
Лавиной бурной солнечного смеха,
К забывшему о том, что есть весна.

И в миг забвенья чувством опоенный,
Хмельной от радости искрящейся любви,
Твоим безумством счастья пробужденный,
Я впитывал признания твои.

Любовь твою безмерно отражая,
Зеркальная душа, наполнилась тобой.
Ты подарила мне ключи от Рая...
И стал Я Эхом грусти неземной!

Говорят, что время лечит

Говорят, что время лечит,
Вспоминаю я, порой,
Наше лето, наши встречи
И свиданья под луной.

Как давно все это было —
Поросло полынь-травой,
Отцвела и отгорела
Наша молодость с тобой.

Память водит хороводом —
Степь, ромашки, тишь, ковыль...
Твой мираж под небосводом —
То ли сказка, то ли быль...

Как давно все это было —
Наше счастье на двоих!
Но волною время смыло
На песке следы твои...

Тихий вечер, тёплый вечер

Тихий вечер, тёплый вечер,
Словно шаль, упал на плечи.
Стих малиновый закат
Ожиданью встречи рад.

Ветерок слегка колышет
Гроздья алые рябин.
Пусть меня никто не слышит
Нет желанной я – один...

Пусть меня никто не слышит,
Пусть меня никто не ждёт.
Мрак ночной сползает с крыши,
День спешит за поворот...

Тихий вечер, тёплый вечер,
Негой пал в тумане грёз.
Словно шаль упал на плечи.
Грустным эхом наших слёз...

* * *

Больной души мольба звучала,
Хоралом Баха миг застыл,
Нет ни желания, ни сил,
Ни мысли все начать сначала...
Уставший, Бога вновь просил,
Что б за грехи меня простил.

Нас разлучила чья-то ложь

Нас разлучила чья-то ложь
И звук шагов твоих, щемящий,
Затих вдали... И падал дождь...
Разлука стала – настоящим.

Я знал, ты больше не придешь,
Прощальный миг последней встречи,
Как свод, небес упал на плечи...
Я знал – былого не вернешь.

И стих вдали соленый дождь...
Душа застыла в наваждении,
Под шепот звезд пришло знаменье —
Былого больше не вернешь...

Сны о не рожденной дочери...

Я учусь не думать о тебе,
Ни к чему, пожалуй, ждать ответа.
Я пою в пустую колыбель —
Девочке, что не увидит лета!

Не узнает радости весны,
Просто потому, что не родится...
Наша дочь в мои стучится сны —
Мы расстались, а она мне снится!

И лепечет что-то о своем,
И за шею крепко обнимает...
Хорошо с дочуркою вдвоем...
Хорошо, что многого не знает...

Я учусь не думать о тебе,
Знаю только вместе мы в ответе.
Что пою в пустую колыбель —
Не рожденной, как другие дети!

Жизнь заново хотелось бы начать

Жизнь заново хотелось бы начать...
Не суждено... Но все же помечтаю:
Мне б лебедем найти родную стаю,
Мне б крылья птичьи – в небесах летать...

Чтоб улететь за тридевять земель
В другое царство – счастья государство,
Открыть души сияющей пространство
Лебедушке и Ладушке своей...

Всего себя для суженной отдать
И знать, что нужен только ей – любимой,
Единственной, родной, неповторимой...
И крошку-дочь к груди своей прижать...

Жизнь заново хотелось бы начать,
Но крылья сломаны – осталось лишь мечтать...

Твои губы пахнут земляникой

Твои губы пахнут земляникой,
Деревенским, с пенкой молоком.
Ты доверчиво ко мне приникла,
Нежностью наполнила, теплом...

Замерла, к груди моей прижавшись,
Спрятавшись от всех в моих руках,
И в любви своей ко мне, признавшись,
Притаилась, ощущая страх...

Ветер стих и время потерялось,
В этом мире – только ты и я.
Расцветает нежным цветом радость,
Я нашел тебя, любовь моя!

Смысл наполняя вязью строк

Смысл наполняя вязью строк,
И тайну пряча под вуаль,
Плывет, душой рожденный, слог
И эхом улетает в даль.

Экспромтом ветренным маня,
Вновь отражая форму слов,
Тропой незримою меня
Уносит в сказку сладких снов.

Улыбкой нежной одаря,
Я рифмой пестую печаль.
И стих слагается не зря,
И лет ушедших мне не жаль...

Нельзя Любить не Доверяя

Нельзя Любить не Доверяя,
От Друга помыслы скрывать.
И это истина простая —
Нельзя, Любя, не Доверять!

Хитрить, лукавить, лицемерить
И тайное в душе скрывать.
Любовь приходит, чтобы Верить —
Нельзя, Любя, не Доверять!

Кокетство, флирт, интриг коварство...
Запутать, скрыть и снова лгать!
В пороках этих злобы царство —
Нельзя Любить и предавать!

Но вам ли, хитрые притворы,
О чувствах чистых рассуждать?
Вы – недоверья черный ворон!
Любовь не в силах вы познать!

Любовь, таинственное чувство,
Не может мстить и ревновать!
Любить светясь – богов искусство!
Нельзя, Любя, не Доверять!

И веруя самозабвенно,
Я от души хочу сказать:
– Будь искренним и откровенным —
Настало время Доверять!

И вопреки всем осторожным,
Споткнувшись, поднимусь опять!
Ведь это просто Невозможно —
Любя, ЛЮБВИ не Доверять!

Я учусь понимать

Я учусь понимать
И тебя, и себя...
Кто же, все-таки, ТЫ?
Кто-же, все-таки, Я?

Может это судьба?
Вопрошаю любя:
– Кто же ты для меня?
Кто же я для тебя?

Мы не дети давно
И, наверное, зря —
Ты живешь без меня,
Я живу без тебя!

И летит день за днем
Неизвестность тая...
Без меня ты – не ТЫ?
Без тебя я – не Я?

Я не твой до сих пор
Да и ты не моя...
Кто же, все-таки, ТЫ?
Кто-же, все-таки, Я?

Покрылась инеем земля

Покрылась инеем земля,
И снег седой, кружась, ложится,
А в парке старая скамья
Воспоминанием томится...

Весной цвела над ней сирень,
Под стук сердец – любви обеты...
А знойным летом – дуба тень
Скрывала ласк моих ответы.

А Осенью в огне Любви
Рассветы мы на ней встречали.
Я помню все слова твои,
Как счастье души излучали...

Но вот настали холода,
Любовь прошла, замёрзли чувства.
И в душу заползла беда...
А на скамье, как в сердце пусто.

Я опоздал на 20 лет

Я опоздал на 20 лет,
С тобой не встретился когда-то.
И не кричал тебе:
– ПРИВЕТ!
И не звонил из автомата...

Не назначал тебе я встреч
И не гулял с тобой ночами,
Не обещал тебя беречь
Твоей упрямой, глупой маме...

С тобой по парку не гулял
И не встречал с тобой рассветы.
Тебя со школы не встречал,
Не приносил тебе конфеты...

Я не дарил тебе цветы,
Не соблазнял, в любви не клялся.
Не обещал супругом быть,
Лишить невинность не пытался...

Я не был первым для тебя —
Единственным и столь желанным.
И ты не думая, любя,
Другому поверяла тайны...

И первый робкий поцелуй,
И страсти нежное Желанье
Ты отдала не мне – Ему,
Став жертвой лживых обещаний...

Я опоздал на 20 лет,
Промчались годы лихолетий.
Печальный напишу сонет,
О том, что я за все в ответе...

Зажигаются Звезды

Зажигаются Звезды и гаснут Миры,
В воплощении новом плывет шар земной.
За столетьем столетье в безумьи Игры
В догонялки и прятки играем с тобой.

Я в слепом заблуждении не тем песни пел,
Я искал наслаждение в чертогах красы.
Только встретить Тебя до сих пор не успел,
Я ищу, я кричу:
– Отзовись, где же ты!?

Возношусь в небеса и брожу под землей,
В океанских бездонных глубинах плыву.
И сжигает пустынь изнуряющий зной,
В заполярном кругу, весь промерзлый бреду.

Может спишь ты в пещере в хрустальном гробу?
Может злобной колдуньи не вышел зарок?
Я в отчаянии Зол – отыскать не могу
И сжимается Времени выданный срок!

Говоришь – люблю

Говоришь – люблю, а мне не верится,
Слов твоих сумбурных не пойму.
А дорожка недоверья стелется,
Заплутала к сердцу моему.

Говоришь – душа устала маяться,
Просишь позабыть и встреч не ждать.
Змей бумажный в небо возвращается,
Журавли собрались улетать...

Не виню – устал уже надеяться.
Не корю – Судьбы не изменить.
Разговор наш в пустоте не клеится,
Привыкаю без надежды жить...

Сердце сжалось

Сердце сжалось в предчувствии боли,
Одиночеством к горлу ком.
И ужасней не знаю доли,
Чем разрушить построенный дом!

Мы корчем с тобой деревья,
Что сажали с вместе весной.
И от птицы синий лишь перья
Закружились в глуши лесной

От тоски разбегаются дети:
Наши – Вера, Надежда, Любовь...
Наше солнце уже не светит —
От предчувствия стынет кровь!

Грусть как яд отравляет Душу
И звенит в тишине Пустота...
Я печалью родство разрушил,
Я не тот, да и ты – не та!

Мой ангел, я люблю тебя!

Спешит девчонка на свиданье.
«Девчонке» той, за тридцать лет.
И дети есть, и муж, постылый —
Бежит к подруге – в Интернет.

Бежит в февраль, сквозь непогоду,
А сердце бьётся и стучит.
И сквозь пургу, и все невзгоды,
К весне своей несёт ключи.

Летит она, преград не зная,
Не слыша возгласы парней,
Мужчин совсем не замечает,
Джюльетта пробудилась в ней!

Её Ромео ждёт, страдая,
Назначенный подходит час,
Душа девчонку обгоняет —
Миг встречи подойдёт сейчас!

– Привет, подруга,
– Здравствуй, Света.
Пальто слетает на ходу,
– Скажи:
– Порядок с Интернетом?
– Не против, я в свой Скайп войду?

И, сладость встречи предвкушая,
Снимая с пальцев дуру-дрожь,
Читает:
– Солнышкооо, скучаюююю!
– Когда ж ты, Милая, зайдёшь?

И, трепет нервный усмиряя,
Печатает:
– Я тут, родной!
– Единственный!
– Люблю Тебя я!
– Титан!
– Ты – Милый Ангел мой!

– Люблю!
– Любимый!
– Обожаю!
– Скучала...
– Плакала...

- Спала...
- У нас есть час...
- Прости, не знаю...
- О, Боже, как сей миг ждала!

И слёзы радости и счастья
Стекают с восхищённых глаз.
Пьянеет вся она от власти
Его горячих, нежных фраз...

Забыто всё: семья и дети,
Тревоги, боль, бюджет, года...
Внутри большое солнце светит!
И время мчится в никуда.

Промчался час, звездой упавшей,
Пора расстаться...
– Боже Мой!
– Я не хочу идтиииииии!
– Я знаю!
– Но что же делать?
– Я с тобой!

И гордая, в нежданной роли,
Парит, в безумии любя!
А в сердце – нежное до боли:
«Мой Ангел, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

Я не люблю

Я не люблю – какая жалость...
Я больше ничего не жду.
В пустой душе угасла радость,
Пройдя сквозь ревность и вражду.
Свободы сладкое похмелье
Закружит счастьем маня,
Испив утраты горькой зелье:
– Я больше не люблю тебя!

Мой путь к Себе

Мой путь к Себе мучителен и долог...
Мой путь к Тебе закончился давно...
Любви умершей, жалобный некролог
Судьбой уже написан все равно...
Добро и зло: вот выбор и... расплата...
В который раз подводится итог...
И жизнь, истлевшая во прах когда-то,
Сменяя смерть, начнет с нуля виток..

Душой и телом

ДУШОЙ И ТЕЛОМ предан был я вам,
Какую вы игру вели со мною?
Я искренно доверился словам
И вот повержен в прах судьбою злою.
Уж нет в душе безумной страсти зноя,
Быть может виноват во всем я сам?
Был предан вам и сердцем, и душою —
ДУШОЙ И ТЕЛОМ предан был я вам...

Не жале́й о том, что тополь плачет

Не жале́й о том, что тополь плачет,
В дождь роняя влажную листву.
Что прожила жизнь свою иначе,
Принимая будни за мечту...

Не жале́й прошедших лет постылых,
Не жале́й увядших юных грез,
Дней ненастных – грустных и унылых,
Дней прожитых, скучно, не всерьез...

Не жале́й, ведь песня не допета,
Верь всегда за тучей – солнца Медь.
Ведь не за горами Бабье лето!
Время Жить и Время Песни петь!

Я вдохновение ловлю

Я вдохновение ловлю,
Оно слезой меж строк стекает,
В моей душе печальной тает
И трелью вторит соловью.

Давай забудем о грехах —
Кто не ошибся в мире этом?
В букет сложу я гроздь сонетов
И к небу воспарю в мечтах!

Я вдохновение ловлю
Оно, как елей для поэта,
Благодарю Творца за это
И песнь любви опять пою.

* * *

КАК ЛЕН-ТРАВА КОЛЫШЕТСЯ НА ПОЛЕ,
КАК ЛИСТ ОСЕННИЙ ПАДАЕТ, КРУЖАТЬСЯ.
ТАК, МУЗА, ИЗМОЖДЕННАЯ В НЕВОЛЕ,
СТРЕМИТЬСЯ НА СВОБОДУ СТРОК ПОПАСТЬ.

СЛОВА, РОЖДЕННЫЕ ИЗ СЛЕЗ И БОЛИ,
РОСОЙ ОМЫТЫЕ И ВЛАГОЙ ДОЖДЕВОЙ.
ПРЕКРАСНОЙ ПЕСНЕЙ БУДУТ ПЕТЬ ДОКОЛЕ —
ЕСТЬ ЖЕНЩИНА, МУЖЧИНА И ЛЮБОВЬ!

* * *

Прошу не верь ушам своим,
Слова подчас пусты и лживы.
Прошу, не верь глазам своим
Поступки – тайных дум порывы.
В делах Любви не верь уму,
Рассудку ведомо сомненье.
А верь лишь сердцу одному
И принимай его решенье...

* * *

Росой невинной упаду
С рассветом я к твоим ногам.
В тумане зыбком пропаду,
Ручьем прильну к твоим устам.
Травой упругой обовью,
Твой тонкий и атласный стан.
И утру песню пропою
О том, что новый день настал...

* * *

Я за тобой ступаю следом в след,
Неслышной поступью скольжу
незримой тенью...
А за стеною смерти ждёт сосед —
В молитвах поздних жаждет исцеленья.
А за окном упрямо плачет дождь.
Сезон дождей – Пустыни наполненье.
В Последний день зимы меня ли ждёшь?
Твои страдания – мои ночные бденья.

Вместо снега идет дождь

Вместо снега идет дождь.
От неверья беды жди.
Унижает твоя Ложь,
Отпусти меня иль уйди...

И песком на зубах Злость,
Что заносит любви след,
Ты сомнений грызешь кость
И взорвавшись несешь бред...

Гильотиной твоя месть,
Чувств ушедших тонка нить,
Упрекаешь, поправ честь,
Заставляя в грязи жить.

Гневным свистом словес плетъ
Горьким воплем души стон,
Мне б в отчаяньи умереть —
Под разбитых сердец звон...

В хляби водной померк день,
Я бегу от судьбы прочь,
Черной тучей меж нас тень
И страданьем грядет ночь...

С каждым шагом уходишь

С каждым шагом уходишь все дальше и дальше...
Каждой фразою ранишь больней и больней!
И в словах Роковых я не чувствую фальши,
А пространство меж нами длинней и длинней.

Трепет ласковых слов слышу реже и реже,
А в глазах озабоченных чаще печаль.
Мы, теряя друг-друга, живем уже прежним —
Тем, что с грустью уходит в прошедшую даль...

Как любовь удержать, коль поблекли надежды?
Как любовь сохранить и в единстве быть вновь?
Я пытаюсь найти тот источник, что прежде
Наполнял потерявшихся, верой в Любовь...

День за днем пролетают в тоске безутешной,
Час за часом в сомненьях рождается боль.
Мы готовимся в Путь и походкой неспешной,
Заблудившихся в буднях, бросает Любовь.

Матильда Иванова

Выродок

Он не любил солнечные дни. Именно под слепящим светом с ним случалось... всякое. Вспоминать об этом не хотелось, потому он дергал плечом, отгоняя непрошенные мысли, и возвращался к работе.

Утром, когда небо ещё светилось тусклым желтым сиянием городских огней, на свалку въезжали старые, потрепанные жизнью мусорщики. Ржавые машины неторопливо следовали друг за другом, так же неторопливо сгружали тюки и уезжали. Он провожал их до ворот. Всегда, сколько тут прожил, он выходил из дома и шёл по дороге, усеянной заплатами, чтобы помахать на прощание молчаливым мусорщикам. Они не отвечали, ехали и ехали, задевая манипуляторами аккуратные кучи. И так день за днём.

Ему нравилась упорядоченность. Всё ясно и понятно: разобрать новый завоз, отобрать то, что может пригодиться, остальное сложить аккуратной стопкой. Ему нравился порядок.

За домом – кособокой коробкой, сбитой из пластин термоящиков, – расстился пустырь. Туда свалка ещё не добралась. А перед дверью – садик. Он высаживал на каменистой, сухой земле самые красивые цветы, что мог найти. Иные приживались, но большая часть вяла, не выдерживала перемен. А вот он смог. Выдержал.

Кожа под лентой очков зудела и чесалась. Но снять их – заработать ожог. Глаза, предназначенные для тёмных шахт, не любили солнце, вот он и прятал их, берег. Без зрения ещё хуже.

Он поддел когтем влажную резину, поскреб кожу. Висок заныл от резкой боли. Снова не рассчитал силу и сам себя оцарапал, неуклюжий урод.

Светило поднималось все выше и выше, а он не разгибал спины – сидел на земле, неудобно подогнув ноги, перебирал мусор. Ну, это чистые могут считать отходами россыпь сокровищ, небрежно сваленных в мешки, они избалованы хорошей жизнью, а ему выбирать не приходится.

Так, упаковки из-под еды... О, а тут ещё половинка батончика! Он захрустел серовато-белой конфетой, рассматривая яркую надпись.

– От-лич... Отличный завтрак.

Завтрак как завтрак. Сладкий, а потом кислый, а затем снова сладкий, но уже иначе. Он отложил упаковку и вновь принялся за дело. А ведь в детстве он бы отгрыз левую руку за такое лакомство.

Стопку журналов он отложил за спину – повезло, что в них много маленьких буковок, а значит чтения хватит надолго. Вечерами делать нечего: можно уйти на пустырь и смотреть на небо, а можно выбраться к чистым, пройтись по улочкам, заглянуть в окна. Только ему незачем нервы щекотать. Он свою долю получил, когда был моложе и наивнее.

Толстые неуклюжие пальцы перебирали мусор аккуратно, почти с нежностью. Когти порхали над тонкими тряпочками, невесомыми, красивыми и бесконечно далекими от палящего солнца, горячей земли и уroda. Флаги иной жизни.

– Эй, выродок! – заорал хриплый голос.

Он выронил сломанный планшет и обернулся. Из-за ограды, прижавшись всем телом к металлическим прутьям, скалился Крыс. Он был чистым, но ущербным. Ещё немного – и урод.

– Ты оглох?

– Зачем пришел?

– Ты не рад видеть меня, Урри? – ухмыльнулся Крыс, блеснув острыми зубами. За них его так и прозвали. Ну и за соответствующий характер тоже. – Своего лучшего друга, готового прийти на помощь в любой момент, стоит тебе лишь позвать.

– Ты мне не друг.

– Хватит придуриваться, открывай!

Он пошёл к воротам, волоча ноги сильнее обычного. Пусть Крыс не думает, что его слово – закон.

– Есть что? – От Крыса несло кислым потом и безумием. Он дергался, как крыса, которую подвешивают за хвост, суетился и сплевывал вязкую слюну на чистую дорожку. Урри только утром смёл с нее пыль.

– Пошли.

Товар для Крыса он прятал в середине свалки, там, куда никто не заглядывал. Под холмом из жестянок и коробок он вырыл нору, выстелил пластиком и спрятал то, что могло бы заинтересовать чистого.

– И это всё? Это все, что ты собрал за неделю? – Крыс повышал голос, заводясь от своей же злости. Тряс острыми кулаками у носа Урри, раздувал ноздри.

– Мало?

На земле лежала горстка монет, перемежаемых шприцами с лекарствами. Чуть поодаль поблескивал почти целый ноут. Он бы оставил его себе, но побоялся.

– Да ты обнаглел... – Крыс спокойно наступил на пластиковую крышку. Треск. Каблук настоящей кожаной туфли переместился на шприцы, а затем растер монеты, вдавил их в землю.

Он стоял и ждал. Потерпеть, надо лишь немного потерпеть, а потом будет легче.

– Я тебя, уroda, другом зову... На работу пристраиваю, как с человеком говорю, а ты? Чем ты мне отплатил? Вошь помойная!

Солнце припекало спину. По шее, неприятно щекоча, сползла капля пота. В шахтах всегда влажно и холодно: по стенам стекает вода, Умник говорил, что это подземные реки, скрытые в почве. Интересно, а есть подземные моря?

– ...со мной.

– Что? – Он не слышал последних слов, пропустил мимо ушей.

Крыс улыбался. От его радости Урри подташнивало.

– Говорю, если хочешь и дальше тут оставаться, то сегодня пойдешь со мной. К Доку.

Он начал качать головой ещё с середины фразы. Он знал Дока. И больше не хотел его видеть, никогда больше.

– Че ты трясешься? – Крыс подобрал уцелевший шприц, сдул с него пыль и, одобрительно присвистнув, вколол себе в бедро, игнорируя ткань брюк.

– Я не хочу... Я не буду...

– А куда ты денешься? Ну, не упрячься. Один вечер можно и пожертвовать другу. Мы же друзья? А? Друзья!

Он не упирался, когда Крыс подхватил его под локоть и, не прекращая журчать, потащил к воротам. Урри мог бы оттолкнуть худощавого Крыса, мог бы даже убить его, но это ничего не изменило бы. Вместо него придёт кто-нибудь другой, совсем не такой добрый.

За оградой их ждал флаер – исцарапанный, в подтеках подозрительного цвета. Крыс втолкнул его назад. Он ударился головой о стойку, но проглотил боль. Сел, стараясь занять как можно меньше места.

– Честно скажу, ты, Урри, удачливый сукин сын! – Панель замигала. Острый кулак врезал по пластику. – О, заработало... Давно пора сменить это барахло.

Дорога, ведущая к городу, старая: на ней видна разметка белой краской, по обочинам лежит щебень. А в змеящихся линиях можно разглядеть лица. Этим он и занимался – рассматривал трещины на асфальте, видел в них пациентов Дока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.